

ВИКТОР
ВИФЛЯЕВ

О ДВИГАТЕЛЯХ
ИСТОРИИ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

О СМЕНЕ
ГЛАВЕНСТВУЮЩЕГО
МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Виктор Вифляев

**О двигателях истории
человечества. О смене
главенствующего мировоззрения**

«Алгоритм»

2013

УДК 13
ББК 87.4

Вифляев В. Е.

О двигателях истории человечества. О смене главенствующего мировоззрения / В. Е. Вифляев — «Алгоритм», 2013

В книге говорится о творце, генерирующем творческие акты – непредсказуемые решения (озарения), феномены, которыми обладает только человек-личность. Общественные институты, как и само общество в целом, не могут исключительно своими социальными усилиями генерировать творческий акт. Таким образом, без этого личностного, практически абсолютно автономного, творческого решения общество не может ни обойтись, ни чем-либо его заменить. Используя творческие акты, эти феномены, имманентные только человеку, общество консолидируется и развивается, и, таким образом, человек-творец становится двигателем истории человечества. В этом смысле категория «личность» имеет не меньшую значимость, чем категория «производительные силы» или категория «общество». Рассматривается концепция природы творчества «по Вифляеву», с полным философским обоснованием.

УДК 13
ББК 87.4

© Вифляев В. Е., 2013
© Алгоритм, 2013

Содержание

От автора	6
Природа творчества, в качестве предисловия...	13
Творчество как функциональный вторичный ресурс организма, как возникновение опосредованного – через непосредственное	16
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Виктор Вифляев
О двигателях истории человечества.
О смене главенствующего мировоззрения

© Вифляев В.Е., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

* * *

От автора

Творческая личность практически абсолютно автономна в генерации своих творческих решений-озарений. Творческий акт – озарение, непредсказуемое решение, открытие есть организмический феномен, и потому общество не может его генерировать. Если озарениями творческой личности, плодами ее творчества пользуется общество, то такая личность является двигателем общественно-исторического развития.

Общество может принять или не принять на вооружение, то есть, в разработку творение личности, материализованно его воплотить, использовать, придать гражданственное звучание ее творческим решениям, реализованным ею в идеальном плане (единичном экземпляре) и т. п. В этом практически, абсолютная автономия общества, как и в его деятельности – двигателя истории человечества. Таким образом, творческая личность, плодами творчества которой пользуется общество, и само общество как двигатели человеческой истории делят паритет и имеют одинаковую значимость.

Если творческая личность опосредованно, через свое творческое достижение, положительно воздействует на общество, развивает его и тем самым продвигает его историю, то общество как двигатель общественно исторического развития проявляет себя в активных волевых желаниях, хотениях лучшей жизни, выраженных по типу непосредственных форм, поначалу не переходящих в действия.

Возможно поэтому, вектор исторического развития, которое является следствием как, практически, абсолютно автономной деятельности личности (творчество, творческий акт), так и абсолютно автономной деятельности общества, проявляет себя в широчайшем разбросе вариантов государственных и общественных устройств. В этой необъятной амплитуде разброса вовсе не исключены, даже в новейшей истории, трагические варианты, порожденные обществом как таковым, не являющиеся следствием внешней военной агрессии, о которых общество всегда *post factum* искренне сожалеет.

Введению читателя в понимание проблемы творчества послужит яркий наглядный пример: творческая деятельность лидеров стран, на которой мы акцентируем наше внимание.

Желания общества лучшей жизни используются недобросовестными лидерами, занявшими свое лидирующее положение вследствие эгоистических намерений, всегда в личных, в значительной части коммерческих целях. Поэтому такие лидеры в принципе не могут существенно изменить жизнь народа к лучшему. Они – «мастера совсем по другому делу» (советская народная пословица).

Творчество этих Лидеров Далеко не первой категории. Под первой категорией творчества мы понимаем творческий процесс, не связанный с процессом коммерциализации¹. Более низкие категории творчества принципиально связаны с этим процессом, если не основываются на нем, то есть, не существуют вне и без него.

Однако творчество недобросовестного лидера как любое творчество, имеет доминантную основу-природу и личные цель и желание как минимум индифферентные к радикальным улучшениям жизни народа, а порой противные им. Изменить одновременно природную основу своего творчества или стать одновременно субъектом низшей и первой категории творчества эти лидеры, как и любые творцы, не могут: например, помимо личных эгоистических творческих целей, бескорыстно творить во благо своего народа – первая категория творчества.

Редчайшие исключения подчеркивают это правило, которое не противоречит логике организмической интерпретации психического развития. Одновременное взаимодействие

---

¹ Эта мысль подтверждается известным ученым, критиком и комментатором науки С. П. Капицей в его телепрограмме «Очевидное – невероятное»: большое творчество (то есть, творчество первой категории) не может быть коммерциализовано.

двух и более доминант, тем более творческих доминант, в одном субъекте – случай исключительный. Это подтверждает тот факт, что лидеров, существенно поднявших жизненный уровень народа, до обидного мало.

Кроме того, такое сдвоенное желание недобросовестного лидера реализовать свои личные амбиции и одновременно радикально улучшить жизнь народа, в большинстве случаев наталкивается на объективную невозможность, чреватую возникновением макроэкономических коллизий общества.

Таким образом, у лидеров, достигших лидерства вследствие эгоистических намерений, своя, сугубо личная творческая цель и желание, иное творчество, не связанное с радикальным улучшением жизни народа, другое творческое амплуа, другое творческое призвание.

Утверждение объективной невозможности (имеются очень редкие исключения) радикального улучшения жизни народа усилиями недобросовестного лидера, помимо приведенных аргументов, подтверждается историческими примерами-доказательствами.

Пример первый.

Коммунистические вожди Советской России и Советского Союза (с 1917 по 1991 г. их было 7) не любили свой народ, причем феноменально не любили.

Будучи субъектами творчества не первой категории, реализуя лишь свою творческую эгоистическую цель – абсолютная и безграничная власть со всеми вытекающими выгодами – они стремились к мировому господству коммунизма и через это к личному господству над всем миром, во всяком случае последнее не исключалось. Рабски придерживаясь и соблюдая доктрину марксизма-ленинизма, ее модели-химеры (мировая революция, перманентная революция, построение социализма в одной, отдельно взятой стране, лишение человека полностью личной экономической автономии, то есть, частной собственности и т. п.), они с октября 1917 г. стали проводить социальную экспериментацию – следствие любых революций – которая длилась почти век и оказалась для них не случайностью, а насущной необходимостью.

Советская социальная экспериментация стала уникальной по беспределу, вездесущности и постоянству. Из народа и людей стали делать объекты для недопустимых и запредельных экспериментов, в значительной части случаев превращая человека в биомассу: беспрецедентные пытки над репрессированными невиновными со смертельным исходом, расстрелы репрессированных невиновных, помещение невиновных в спецлагеря ГУЛАГа, откуда заведомо не возвращаются и погибают.

Однако всем вождям Советской России и Советского Союза эти акции социальной экспериментации, то есть творчество лидеров не для себя, а для народа, точнее псевдотворчество, как указывалось, если эгоизм и может что-то сотворить, то только для себя, – естественно, не дали ожидаемого эффекта, энерговывыгрыша. В какой-то степени увеличилась лишь экстенсификация труда.

Эти эксперименты, кампании, акции были и пиаракциями, втягивающими как можно больше людей в изнуряюще бесплодный трудовой энтузиазм, и наивным гигантизмом с гигантскими стройками коммунизма со страшными антиэкологическими последствиями – отравой общества и т. п.

Однако глубинная сущность вековой страды советского социального экспериментирования от ленинской продрозверстки до горбачевской перестройки заключалась в бесконечном и бесплодном поиске эффективного повышения производительности труда. В результате производительность труда стала тем камнем преткновения, о который споткнулся Советский Союз в 1985-1991 гг., проиграв холодную войну.

Коммунистическая элита Советского Союза не хотела, не смогла и не сумела понять, что творчество, тем более творческий акт (озарение, непредсказуемое решение) абсолютно автономный психический процесс, отторгающий любые советы, инспирации общества по решению поставленной задачи: они всегда заведомо бесплодны; что творческий акт – пре-

рогатива личности; что синоним творческого акта – энерговыйгрыш организма и, стало быть, реальное ускорение и увеличение производительности труда, позитивная, непрестанно растущая экономика страны. Невозможность понимания всего этого – трагедия коммунистического Советского Союза и всего, на сегодня уже разрушенного, социалистического лагеря.

Такой экскурс в историю, экономику, внутреннюю политику Советского Союза сочтут политизацией и социологизацией психологической науки. Сторонниками такого взгляда, очевидно, окажутся апологеты культурно-исторической психологической теории, придумавшие эти термины.

Эта теория, по сути, новая марксистская психология, родилась в начале 20-х годов прошлого века и по мнению апологетов и ее основоположника стала единственно научной психологией в мире.

Она стала советской партийной наукой, обслуживающей советский режим, не допускающей никакого инакомыслия. В таком же духе она действует и сейчас, несмотря на то, что советский режим более 20 лет как кончился.

Главные постулаты культурно-исторической психологической теории: обязательный примат социального над психическим; психика человека, его высшие психические функции – своеобразная производная, от культурно-исторического общественного развития... единственная возможность генерации таких функций – только через общественно культурно-историческое; безграничные творческие возможности общества... Творчество – прерогатива общества; человек не имеет и не может иметь такой прерогативы и не может обладать, практически, абсолютной, то есть, полной автономией, необходимой для творчества и творческого акта.

Нельзя не заметить консолидации приведенных постулатов. Однако нельзя также не заметить, что их единство и каждый постулат в отдельности пронизаны и пропитаны упрощенчеством. Последний же постулат о творчестве – фатальный трагический изъян культурно-исторической психологической теории, «стараниями» которого она в более или менее недалеком будущем разрушится, выйдет из строя, попросту говоря, канет в небытие. Так, развенчав всякие надежды простого человека-работника на его творчество в личном деле-профессии, заменив это творчество беспрекословным подчинением безгранично авторитарному коммунистическому руководству – «...инициатива наказуема», «...клюй, где посыпано», то есть делай так, как велено (народные пословицы советского времени) – канул в небытие Советский Союз.

Какую конкретную помощь оказывала культурноисторическая психологическая теория вышеуказанным коммунистическим лидерам Советской России и Советского Союза в их творчестве для народа?

Все акции социальной экспериментации Советской России и Советского Союза, если рассматривать их под знаком интеграла, то есть вся экспериментация в своей, почти вековой, длительности и каждая акция в отдельности – производные последствия от них катастрофичны – являлись запредельными психическими раздражителями как по силе (величине), так и по времени воздействия. Размеры параметров этих раздражителей правящую элиту не заботили и она о них не думала.

Между тем, Россия к концу XIX и началу XX века – крестьянская аграрная страна. Крестьяне – подавляющее большинство населения. Крестьянин – принципиальный собственник с соответствующим менталитетом. Такие акции как: продразверстка, ликвидация кулачества как класса, коллективизация и, как следствие, неоднократный голод (Украина, Заволжье) с зафиксированными фактами каннибализма, депортация народов (неоднократно), административно-принудительное коммунальное жилье в городах, укрупнение сел и деревень (перспективные-неперспективные деревни), реорганизация предприятий, учреждений, организаций, а также административно-управленческого аппарата, приблизительно, раз в год или несколько лет – вот беглый, далеко не полный перечень акций советской социальной экспериментации с 1917–1991 гг.

Все эти факты широко известны и оговорены, однако, даются нами в аспекте творчества, то есть, как «творения», «творческие достижения и свершения» лидеров Советской России и Советского Союза во имя народа.

Все эти акции, как уже говорилось, запредельные психические раздражители как для крестьянина, так и для горожанина.

Отдельным трагическим эпизодом этой экспериментации – мы охарактеризуем это ниже – стали репрессии и расстрелы невинных и административное притеснение членов их семей (ЧСИР – принятая аббревиатура: член семьи изменника родины).

Человек – самая сильная биологическая система на земле. Однако – не до бесконечности. Из этой экспериментации далеко не все выходили без «остаточной деформации» психики и центральной нервной системы. Возникло множество заболеваний психического и неврологического характера, а также алкоголизм и наркомания не столько от предрасположенности и наследственности, но от социальной безысходности. Прямой обязанностью психологии стало исследование этих заболеваний, их этиологии, статистики и констатация пагубного влияния таких социальных экспериментов – запредельных психических раздражителей – на человека.

Культурно-историческая психологическая теория не сделала этого.

Автор не столь наивен, чтобы не понимать, что в той обстановке осуществить это было невозможно и не следует требовать героизма от сподвижников культурно-исторической психологической теории, хотя, героизм в редких случаях, даже тогда, имел место. Все знают, например (должны знать) как один герой, рискуя собственной жизнью, спас от варварско-большевистского разрушения храм Василия Блаженного в Москве. Тем не менее – здесь следует «назвать вещи своими именами» – такое бездействие культурно-исторической психологической теории следует рассматривать как действие. Детализация диалектического превращения бездействия в действие хорошо показана в науке права. Именно такое бездействие культурно-исторической психологической теории – советской партийной психологической науки – следует рассматривать как действенную неоценимую помощь советской государственной элите в ее деле «управления» государством.

Используя вышеуказанные термины культурно-исторической теории, можно также интерпретировать такое ее бездействие как махровый расцвет социологизации и политизации всей советской психологической науки в течение всего XX века.

Между тем, автору не известно, чтобы какой-либо ученый, исповедующий культурно-историческую теорию, в то время написал бы работу «в стол» о необходимости создания специальной психологической службы-помощи для исследования этиологии, медицинской статистики множества вышеперечисленных заболеваний. Автору также не известно, чтобы такой же ученый издал бы подобную научную работу после 1985 г., когда никаких препятствий для этого не было.

Акцентируя и педалируя примат социального над психическим, культурно-историческая психологическая теория в реальности способствовала утверждению такого общества, что уничтожает самое себя.

Очевидно, за нижеследующий фрагмент текста автора нарекут отступником от научного жанра или хуже того. Эка невидаль!

Прошло лютное лихолетье репрессировавшей сталинщины. Это – страшная трагедия. Неизгладимый безобразный шрам на истории России. Народ не простит и не забудет этого никогда. Мало осталось сейчас в живых, тогда невинно репрессированных. Сердце автора всегда с ними. Однако они простят и не отринут его за следующие слова.

Автор обращается к народившимся после смерти Сталина поколениям. Собратья по бывшему социалистическому лагерю! Вас много! Если вам дорога истина и история, рассмейтесь, расхохочитесь вселенским гомерическим хохотом – это хохот здоровья: сталинщина разучила Вас искренно смеяться без острастки и хохотать во весь голос взхлеб – над «совершен-

ством» коммунистического управления Советской Россией – флагманом социалистического лагеря – когда, в определенное сконцентрированное время (пик 1928, 1937 гг.), количество² десятиmillionного порядка невинных людей, ваших соотечественников, было репрессировано; миллионный порядок из них был расстрелян. В последующее сконцентрированное время (пик 1956 г.), в таком же десятиmillionном порядке численности все невинные репрессированные были освобождены, часть из них реабилитирована, в том числе, расстрелянные, посмертно.

Этот хохот – конечно, сатира. И если она была бы плодом пера литератора-мастера, сатира классная: есть кому смеяться до слез, а есть кому заплакать. Сатира как шоковая терапия необходима и обязана жить в обществе полноценной и полнокровной жизнью, развивать и продвигать его историю, несмотря, порой, на его нежелание.

Дело, однако, не в сатире. В нашем контексте она в «снятом виде». В центре внимания – дистанцирование, взгляд сверху, разом возникшее озаренное массовое осознание, что коммунистическая партия абсолютно бездарна, импотентна в деле управления обществом и государством. К ней и подобным партиям вообще не следует относиться серьезно.

Таково «творчество» лидеров Советской России и Советского Союза, боровшихся друг с другом за власть в XX веке.

Пример второй.

В мире имеется примерно 250 государств. Точность этой цифры для контекста нашего изложения не принципиальна, тем более, что это количество имеет исторически постоянный разброс. Здесь не столько важна предельная точность, сколько, хотя бы, приблизительное соотношение частей: примерно 50 передовых государств с развитой экономикой, это, в основном, государства западной Европы, и остальные: примерно 200 государств, так называемых развивающихся или догоняющих, с отсталой экономикой. Это соотношение 50:200 настолько длительное и стойкое, что позволило злым языкам называть эти 200, то есть, 80 % государств, вечно догоняющими и вечно развивающимися.

Экономическая наука, очевидно, сочла нормальным такое соотношение, имея ввиду низкий уровень экономического развития этих стран и обязательную поступенную стадийность экономических формаций в их предстоящем экономическом развитии.

Однако среди этих 200 государств очень редко (единичные) в своем экономическом развитии вырываются настолько вперед, что жизнь своего народа ставят на новый, качественно более высокий, передовой уровень и становятся конкурентными передовым странам по выпуску товаров самой высокой технологии. Япония, Южная Корея, Сингапур, Бразилия – вот самые значимые эти государства.

Экономическая наука такие прорывы называет экономическим чудом. Однако чудес на свете не бывает и, тем более, наука не должна это констатировать.

Очевидно, в свое время, в этих нескольких перечисленных государствах появились лидеры (каждый с небольшой группой лиц, сподвижников), обладающие творчеством первой категории, не связанным с процессом коммерциализации, бесконечно преданные своему народу, бескорыстно служащие ему и беззаветно любящие его всей душой и, как говорится в просторечье, прорастающие в него всей плотью и кровью.

Их творческая идея вошла в резонанс с чаяниями народа, который включился в трудовой энтузиазм и поднял свою жизнь на надлежащую ступень благосостояния³. Очевидно, такое бескорыстное творчество I категории, не связанное с процессом коммерциализации, в том числе и у таких лидеров, следует назвать человеческим фактором. Не следует путать это наше выра-

---

² Это количество средней по численности населения западноевропейской страны.

³ Конечно, в резонанс с чаяниями народа могут вступать и максималистские «сладкие» идеи. Нами это упоминалось. Надеемся, что этот урок мировая история уже прошла, и социология объяснит нам, наконец, почему максимализм прошел в определенных странах, а в других не мог прийти.

жение с общепринятым: человеческий фактор в отрицательном значении как человеческая фатальная ошибка на транспорте и т. п.

Очевидно, появление таких лидеров следует приравнять также и к объективному экономическому фактору: такой лидер – двигатель истории человечества. До сего времени советская и постсоветская экономическая наука, приверженка марксистского исторического материализма, – постепенная стадийность экономических формаций, – не смогла этого сделать.

Однако, вышеуказанные «чудеса» возможны в любой отсталой развивающейся стране. При этом возможно появление экономической многоукладности.

...«Историки указывают на необычное расширение в это время (др. Греция, примерно, IV–III в. до н. э. – *Авт.*) единоличных торговых предприятий... Увеличивается класс зажиточных предпринимателей, причем происходил процесс, общеизвестный для подобных условий: рабы становились все дороже и дороже по мере разрастания торгово-промышленной конкуренции, а свободный труд – все дешевле и дешевле ввиду роста городов... Не только денежное хозяйство водворилось в эллинистическую эпоху во всей своей силе, но мы находим здесь даже большое развитие *банковских* операций. Мало-помалу капитал стал концентрироваться в немногих руках, а народная масса – беднеть» (см. А. Ф. Лосев. История античной эстетики; ранний эллинизм, курсив Лосева, стр. 9; Москва, Искусство, 1979). Эта экономическая многоукладность и одновременное сосуществование всех форм собственности в древней Греции подтверждена российскими археологами. Первопроходцем этого открытия был кандидат исторических наук Цехмистренко В. И. (60-е годы прошлого века).

Таким образом, в значительной части этого количества (примерно 200 развивающихся государств) может иметь место экономическая многоукладность⁴. Между тем, в этих вышеназванных 200 государствах существовало и существует гораздо более 200 – имеет место ротация – лидеров. Подобные лидеры, за исключением нескольких, сотворивших экономические «чудеса», существуют во всем мире, даже в передовых странах. Общее в них то, что у каждого из них, то есть, у всех в глобальном масштабе отсутствует наш человеческий фактор в положительном значении – большое творчество I категории, не связанное с процессом коммерциализации⁵. Этот наглядный пример еще раз подчеркивает, что лидерство страны (общества) требует именно такого творчества.

В двух предложенных примерах мы охарактеризовали в предельно общих чертах творчество лидеров подавляющего большинства стран земного шара. Картина получилась мрачной и неприглядной. Очевидно необходимо осветить ее ярким рембрандовским лучом, тогда картина станет живописной. Например, всем известно имя такого лидера, как Ф. Д. Рузвельт. В эпоху кризиса 1929–1934 гг. он спас Америку, весь капиталистический мир и все человечество от грозившей максималистской опасности, показав и доказав максимализму альтернативную возможность существования человечества и патологию максималистского существования.

Дело, однако, не в живописи, а в научном понимании, что творчество имеет несколько категорий. К I категории относится традиционное творчество: поэта, писателя, композитора, художника-живописца, скульптора, ученого, изобретателя и т. п. Процесс такого творчества в определенных случаях вознаграждается, но это – не главное. Если вознаграждение закончилось, творец до конца своих дней будет без награды работать над своей идеей и целью. Это бескорыстное большое не коммерциализованное творчество.

---

⁴ Приведенные примеры экономических «чудес» показывают, что современная экономическая многоукладность может сочетать, увязывать предельную социально-экономическую отсталость страны с высочайшими мировыми технологиями, с самым передовым способом производства. Это – процесс, выводящий страну в разряд передовых. Пусковым механизмом этого процесса является творчество лидера, естественно, I категории, не связанное с процессом коммерциализации.

⁵ Сегодняшняя тенденция, что каждому лидеру необходимо в начале, как минимум, использовать два президентских срока, независимо от результатов его деятельности, зародилась именно в недрах широчайшего контингента лидеров, не обладающих нашим человеческим фактором. Эта мысль вряд ли оспариваема.

Именно таким творчеством I категории, как уже упоминалось, должен обладать лидер государства, если хочет жизнь своего народа поднять на качественно более высокий уровень благосостояния.

Творчество II категории основано на принятой законом коммерции и не существует вне и без коммерции. Традиционно – это предпринимательство.

Творчество III категории – это преступная деятельность, то есть, творчество в основном как коммерческая прибыль, оценивающееся обществом в отрицательном измерении, по шкале отрицательного отсчета. Его творческие акты – преступления или иные правонарушения, подлежащие обязательным санкциям, уголовному наказанию с обязательным восстановлением вреда.

Такое понимание, если упадет на благодатную почву и найдет отклик во множестве душ, есть вклад, какой бы ни был он малый, однако, реальный в борьбу против сегодняшнего кризиса нравственности. Эта реальность резко отличается от метода финансово-денежных вливаний, «финансовых подушек» для стран, пришедших от кризиса в катастрофическое состояние. Такой «метод» несерьезен. Если пользоваться медицинской лексикой, то это метод врачевания следствия, а не причины.

Технические и вычислительно технические методы, если уповать на них как на панацею, так же мало эффективны. Не следует забывать, что преступление, хоть и в отрицательном значении, все же творчество и творческий акт, и длительная борьба в этом случае будет вестись с переменным успехом и незначительным перевесом в ту или иную сторону.

Очевидно в предстоящей комплексной борьбе с безнравственностью главенствующее место ведущего уровня займет нарастающее общественное движение за торжество нравственности, создающее постоянную преграду коррупции, все более укрепляющуюся жестокую категорическую нетерпимость и обструкцию ей. Это массовое торжество возрождающейся нравственности перерастет в очищающий кризис (по П. Флоренскому), который поразит безнравственность в самое сердце. Уверенность автора, что это обязательно произойдет, основана на том, что у человечества нет выбора. Любая альтернатива – гибель человечества.

В предлагаемой книге открыт и показан психический процесс, лежащий в основе творчества и творческого акта. Вдумчивый и пытливый читатель обязательно разберется, поймет и усвоит его. И, возможно, как древний сказочный витязь, став перед роковым камнем на распутье дорог, он выберет самую трудную и опасную, таящую открытия, слаще которых для сердца ничего нет, – дорогу Большого Творчества. Пожелаем ему победы.

Природа творчества, в качестве предисловия...

Книга Виктора Евгеньевича Вифляева, которую читатель держит в руках, могла бы никогда не появиться на свет... Почему? Потому что автор ее вынашивал, проверял и говорил о своих идеях в стороне от оживленных магистралей науки, выбирая в единичные («заслуженные», как выразился А. А. Ухтомский) собеседники на долгие годы критических размышлений то И. М. Сеченова, то Н. А. Бернштейна, то того же А. А. Ухтомского. Неспешность и несуетность автора в том, что современность называет «продвижением идей и проектов» питалась от самой же основной идеи Вифляева – сущностной основы всех творческих актов – их обязательного энерговыйгрыша. «Энерговыйгрыш Вифляева» как впервые открытый психологический феномен, пожалуй, стоит в одном ряду с рефлекторной дугой Сеченова, доминантой Ухтомского, «живым движением» Бернштейна, наследуя им и продвигая вместе с ними вглубь целостное понимание сущности неделимого человеческого естества, подталкиваемого к развитию как внешними, так и внутренними стимулами. Обоснование идеи энерговыйгрыша, сопровождающего творческие акции («акты», по Сеченову и Вифляеву) всего живого, от клетки организма до гениальных прорывов человеческого разума, позволило ее автору в таком же ключе рассмотреть материю и сущность психического, происхождение высших психических функций, в частности – механизмов творческих деяний и открытий индивида, да и самого смысла индивидуального пути в общем потоке становления психического и человеческого в биосфере.

О каких индивидуальных открытиях идет речь, станет понятно читателю чуть позже; вначале – несколько слов об авторе. Ко времени созревания решения издать эту книгу автору – Виктору Евгеньевичу Вифляеву – исполнилось полных 80 лет. Этот промежуток времени обнимает собой существенный фрагмент отечественной истории, проходящей своим колесом прямо через личное пространство автора, которое корежили и война, и политические «перегибы», и следствия раннего осознания несправедности, хотя, возможно, и закономерной, магистрального пути как истории России в XX веке, так и «частных» историй людей, научных концепций, творческих идей. В логике жизненного пути Вифляева многое было преходящим, но был неизменный стержень – сплав смутного предощущения открытия, суммирующего разные грани опыта и долгих размышлений, и энергии поддержки-критики любимых учителей: ученого-психофизиолога Н. А. Бернштейна и философа Г. С. Гургендидзе, а также жены автора – Викторины Николаевны Алехиной – стойкой и мудрой женщины. В этом сплаве родилась не только стройная теория, вносящая в резервуар мировой психологической науки свой драгоценный дар, но и стержневая линия жизни ее автора: «одна, но пламенная страсть».

То самое индивидуальное творчество, индивидуальный авторский прорыв или его предощущение, которые были в центре внимания Вифляева-психолога, окрашивали жизненный и творческий путь и Вифляева-человека, делая его психику особо чувствительной к феноменам настоящих творческих актов, т. е. вносящих негэнтропийный вклад в устройство общественного сознания, как в их организмической явленности – например, в заживлении телесных ранений, так и в социальной: научной, художественной, философской и др., в проявлении специфики психики человека, ее двойственности. Именно эта органическая двойственность индивидуального и общественного, социального и психофизиологического в развитии психики человека, их слияние, постоянный перелив друг в друга является, по мнению автора, неизученной территорией психологической проблематики. Но именно там скрыт ключ к органике психики и сознания человека: в обеспеченности психического развития не только «гарантами» его общественных форм как образцов-моделей, но и непредсказуемостью индивидуальных акций субъекта в поиске энерговыйгрышных откровений, в полной мере использующих потенциал внешних сил, будь то природные явления или общественные «опоры» и «орудия» развития

сознания. Вес индивидуальных акций субъекта, личности в психоорганическом потоке развития человека и человечества – величина относительная. Он может быть ничтожен, а может существенно отклонить траекторию развития общества, в этом и заключается смысл предлагаемой нами метафоры для понимания основной идеи Вифляева – «эффект бабочки». «Эффект бабочки» в психологической непредсказуемости и социальной незапланированности творческих «отправлений» организма, прорывающих общественное сознание, в новом построении «фронта кристаллизации» этого сознания вокруг творческих индивидуальных достижений, подчас круто меняющих траекторию развития всего человечества. Без таких индивидуальных «прорывов» – откровений невозможен и процесс познания. Движение «крыла бабочки» может пройти незамеченным, но от него может зависеть целая цепь разномасштабных событий, в конечном итоге поворачивающих «земную ось» сознания. Тема жизни Вифляева – индивидуальные творческие акты, обладающие потенциальной энергией «эффекта бабочки», – стали также и стилем его жизни.

В преамбуле В. П. Зинченко к статье В. Е. Вифляева 1994 года выделяются основные достижения научных поисков автора. Но не только проблематика опосредованного, происхождения высших психических функций и поведенческих актов является визитной карточкой автора. Здесь взорвалась идея непрерывного творчества всего живого, творческих «отправлений» организма и души как гарантов непрерывной поступательности самой жизни. Автор, говоря о том, что творческий акт – акт всецело индивидуальный, личностный, – возвращает ответственность за общественное развитие субъекту (а не только закономерностям общественного движения, подчас мифическим). В этом человек есть тварь, сотворенная «по образу и подобию» Творца, стало быть, сам содержит в себе Творца тварного мира, всего бывшего и сущего.

В концепции природы творчества «по Вифляеву» наличествует не только философское обоснование, научная доказательность и наблюдательность, художественная чуткость, но и педагогический пафос. Автору безразлична судьба человека и человечности, Искусства и Артиста в России. Особенно дорога автору тема исполнительского творчества, исполнительства самой высокой пробы, переживающего сейчас период стагнации. Автор видит тому причины психолого-методологического порядка в сфере обучения музыкантов-исполнителей: доминанта волевой установки в методологии психологической подготовки к исполнительству над субдоминантой «обихаживания» индивидуальности и ценности выношенных личностью творческих «озарений» и прорывов формирует модель исполнителя-ремесленника, созданного «сверху», от общественно-институализированных и интроецированных индивидуум образцов-эталонов. Противоположный путь – условно «снизу» или изнутри личности – побуждает к рождению исполнителя-Артиста, способного выдавать творческие, спонтанные достижения, берущиеся позже «на вооружение» «ремесленничеством» – профессиональным сообществом, а еще позже – общественными структурами коллективного сознания. Обучение юношества в фазе «пессимума», по Ухтомскому, транслируемой современным образовательным режимом воспитания профессионала музыкально-исполнительского искусства, создает крепкий средний уровень, что само по себе совсем не плохо. Но отсутствие в методологии профессионального исполнительского обучения трансляции или организации условий для появления «экзальтационных фаз» (Ухтомский) создает ситуацию невозможности появления на фоне этого крепкого среднего уровня больших Артистов, Созидателей новых миров, Художников... Это закономерное следствие того взмаха крыла бабочки, которое унесло в мусорную корзину истории ценность индивидуальности, ценности ее не самой по себе (чем сейчас прикрывается брешь), а теми потенциальными прорывами творчества, которые нельзя предугадать и планировать, можно лишь надеяться на них как на обещанное и обыкновенное чудо. Это чудо творится только в одиночку, личностью, индивидуальной встречей с жизненными задачами.

А. В. Торопова,

ведущий научный сотрудник Психологического института РАО, кандидат педагогических наук

Творчество как функциональный вторичный ресурс организма, как возникновение опосредованного – через непосредственное

Название статьи непривычно для читателей психологических и психофизиологических текстов, посвященных анализу механизмов опосредования, типов медиаторов-посредников и их роли в актах творчества. В отечественной традиции исследования опосредования связаны с культурно-исторической психологией С. Выготского и его последователей. Сам Выготский стремился к «вершинной или акмеистической» психологии. Период его увлечения биологической и физиологической тематикой был чрезвычайно краток. Автор настоящей статьи предпринял поиски филогенетических корней опосредования, с тем чтобы представить, каким образом непосредственное может трансформироваться в опосредованное. Такой ход мысли позволил ему прийти к неожиданному результату. Эта мысль относится к проблеме энергетики или энергичности как актов опосредования, так и энергии самих медиаторов. Энергия (можно было бы говорить жизненная сила, энтелехия) непосредственного очевидна. Энергия опосредованного зачаточна. Вместе с трансформацией непосредственного в опосредованное, согласно В. Е. Вифляеву, происходит и своего рода вычерпывание энергии с последующей трансформацией и возможным энерговывышением. Отсюда и некоторая непривычность терминологии, используемой автором статьи (вторичный функциональный ресурс и пр.). Уверен, что ход мысли автора представит интерес для читателей, занимающихся проблематикой опосредованного, происхождения и структуры высших психических функций, произвольности и энергетических аспектов поведения живых систем.

В. П. Зинченко

Достижение обществом и человеком опосредованных форм в психических процессах доказано в отечественной психологии, прежде всего в школе Л. С. Выготского и его последователей. Между тем существует научно-методологическая трудность, которая заключается в необходимости раскрыть механизм генерации опосредованного, являющегося одновременно генерацией культурного знака, еще ни разу не интериоризованного.

Обобщественная деятельность, коллективный труд ни сами по себе, ни в их культурно-историческом значении не определяют зарождения психологических орудий. Механизм генерации впервые возникающего опосредованного, его логическая конструкция не вырастают напрямую исключительно из социального. Утверждение об их культурно-историческом происхождении декларативно оно оставляет вне поля зрения роль творческой личности, которая интегрирует всеобщий труд. Однако пока неизвестен конкретный механизм такой интеграции.

В культурно-исторической психологии идея усвоения культурных средств (медиаторов) и норм оперирования ими заслонила идею их порождения индивидом. Отсюда и то сравнительно малое внимание, которое уделяется изучению механизмов творчества, в принципе являющихся индивидуальными. Общество может побуждать индивида к творчеству, оценивать результаты его творчества, признавать их. Однако каким бы ни было его влияние, сам творческий акт (озарение) есть акт всецело индивидуальный. Это всегда личностный акт.

Главный смысл опосредованного, высших психических функций состоит в достижении организмом гигантского энергооблегчения. Об этом говорил еще Гегель: «Разум столь же хитер, сколь могуществен. Хитрость состоит вообще в опосредующей деятельности, которая дав объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь *свою собственную цель*» (цит. по: *Выготский Л. С.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 3. С. 89). Существует и другая характеристика опосредованного: опосредованное знание – знание, получаемое через посредство другого знания.

Частичные синонимы опосредования «универсализм» и «рациональность», а также само опосредование составляют ряд, где общим «множителем» является старое функциональное отправление живой системы, выступающее в новом более энерговыгодном применении.

Мы предполагаем, что механизм генерации опосредованного – высшей психической функции – следует искать в психике индивида и что любое опосредование, любой культурный знак есть слепок с индивидуального творческого акта. Таким образом, пусть пока априорно, творческое – это впервые рожденное опосредованное. Индивидуальные творческие акты как бы держат конкурсный экзамен на лучшее произведение, которое обществом принимается, усваивается и закрепляется. Любой творческий акт – от микрорацпредложения до гениального открытия, в том числе в художественной сфере, артистической деятельности, – имеет автора, и механизм этих творческих актов, механизм «озарения» один.

В подлинно художественном произведении, являющемся культурным знаком, скрыт своего рода феномен: находящимися в распоряжении автора формообразующими средствами раскрывается сущность социальных коллизий и социальных надежд. Феномен, однако, заключается в том, что в распоряжении автора имеются, как правило, старые, многократно бывшие в употреблении в разных комбинациях формообразующие средства. Между тем именно с помощью этих средств находится уникальная опосредованная связь, решается труднейшая задача раскрытия социальной сущности того или иного явления эпохи. Очевидно этот феномен составляет своеобразие языка⁶ произведения. Мы еще раз хотим подчеркнуть опосредованную сущность языка творчества. Иное дело, что этот язык создается не через опосредованное, усилием воли или рассудка, а через непосредственное, в моменты вдохновения, и лишь затем может осознаваться как опосредованное.

Единство творческого озарения и впервые генерированного опосредованного включает целый комплекс компонентов-феноменов: отторжение шаблонных психических механизмов, открытие новых путей использования для решения новой задачи любых фрагментов, частей, комплексов находившихся в употреблении механизмов, применяемых ранее к совсем другим целям. Итогом является принципиально кратный энерговыигрыш (облегчение), опосредование, подключение (ввод в действие) низового уровня психоструктуры. Возникновение перечисленных феноменов одномоментно и совпадает с моментом времени творческого акта озарения.

Однако остается главный вопрос: каким образом, при помощи каких конкретных биологических механизмов и каких функциональных затрат может состояться первичное нахождение организмом и в дальнейшем многократное использование им неординарного энерговыигрыша, приводящего к акселерированному накоплению негэнтропии в своем филогенетическом развитии? Согласно И. М. Сеченову, аналогом такого механизма, очевидно, и явится механизм первичного возникновения опосредованного, высшей психической функции как средства достижения энерговыигрыша.

---

⁶ «Самые глубокие и оригинальные субъективные переживания, включая их тончайшие нюансы, могут быть выражены средствами обыденного языка, что подтверждается опытом общения, и в чистом виде (свободном от нелингвистических средств коммуникаций) произведениями великих писателей и поэтов» (курсив мой. – В. В.). См.: *Дубровский Д. И.* Существует ли внесловесная мысль // *Вопр. филос.* 1977. № 9. С. 100.

Нахождение механизма творчества и генерированного опосредованного в психических процессах позволит точно установить подлинный вклад личности и вклад общества в создание культурного знака.

Надо внимательнее присмотреться к феномену доминанты, в особенности к главному ее проявлению – бесконечным доминантным корроборациям. В настоящем изложении необходимо понимание доминанты как функционального органа, т. е. органа как всякого экстра-церебрального «временного сочетания сил, способного осуществить определенное достижение» (см.: *Зинченко В. П., Матардашвили М. К.* Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 125). Всегдашнюю способность и готовность доминантной функции корроборировать Л. В. Крушинский, имея в виду доминантную основу поведенческого акта в интегральном поведении, назвал ответом доминанты на неспецифический раздражитель, в отличие от единственного специфического, ради которого доминанта возникла. Дополняя Крушинского, можно сказать, что для одной специфической доминантной констелляции существует один-единственный специфический раздражитель. И для этой же одной констелляции (если ее считать неспецифической) существует множество неспецифических раздражителей.

Однако в этом море неспецифических связей существует одна-единственная уникальная связь: доминантные корроборации, как увидим, существуют в значительной мере для ее нахождения, последнее сопровождается рядом уникальных событий. Так, бесконечные корроборации доминантной констелляции находят такое ее единственное неспецифическое расширенное применение, по сравнению с узким специфическим применением (отправлением), при котором возникает кратный энерговыигрыш. Это уникальное расширенное применение есть по сути дела применение отработанного специфического отправления функционального органа, но на единственный искомый неспецифический раздражитель. Уникальность этого неспецифического раздражителя состоит в том, что организм при решении новой задачи (частью которой раздражитель является) вдруг «узнает» в нем элементы старой задачи, именно раздражитель помогает организму решить его новую задачу – удовлетворить потребности на неожиданно высоком энергоуровне. Указанный энергоуровень также можно назвать уникальным: многократное энергооблегчение – выигрыш энергии, многократно большей по сравнению с затраченной.

Итак, уникальная неспецифическая констелляция замыкается на уникальный неспецифический раздражитель, и этот уникальный контакт – кратный энерговыигрыш – навсегда закладывается в память организма, что тоже по-своему уникально. Память организма становится обладателем двух форм доминантного реагирования: обычного специфического и уникального неспецифического с ярким энергоэффектом. Обе формы сосуществуют в организме, действуя в порядке взаимодополнительности, главная цель которой – все то же достижение наибольшего энергоэффекта. Именно этой форме уникального реагирования суждено было сыграть в эволюции главную роль.

Необходимо отметить, что все вышеперечисленные уникальные события, в рождении которых организм имеет решающее значение, совершаются одновременно и составляют единое целое.

Подчеркнем, что организм получает уникальный энерговыигрыш посредством старого отправления, применяя его расширенно, т. е. в *новом* применении негэнтропической акции. Несколько забегаая вперед, назовем это условным или неосознанным опосредованием. Если установилась (и заложена в память) такая негэнтропическая, подкрепленная кратным энергоэффектом, уникальная связь, то она обязательно явит собой доминантный механизм; опосредование в своем генезисе (высшая психическая функция) есть аналог этого физиологического механизма. Последний (в своем интегральном, не только физиологическом, но и биологическом виде), как станет яснее ниже, является детерминантой биологической активности.

Его существование помогает понять, что спектр отправления функции намного уже ее спектра применения.

Это положение – центральное и имеет далеко идущие выводы.

Необходимо дифференцировать облегчение и опосредование на внутреннее и внешнее. Внешнее облегчение достигается за счет внешнего уникального неспецифического раздражителя; внутреннее облегчение есть эффект от «неучреждения» новой функции, принципиальное использование старой. Внешнее опосредование – опосредование, достигаемое через окружающую внешнюю среду – уникальный неспецифический раздражитель; внутреннее – есть опосредование, достигаемое старой доминантной констелляцией, которая ранее употреблялась для других целей.

Необходимо также дифференцировать в опосредованном его встречные ходы – прямой и обратный: опосредованное воздействие организма на реальность (прямой ход) и опосредованное использование организмом воздействия внешней реальности на себя (обратный ход), что означает использование уникального неспецифического раздражителя для корроборирования соответствующей уникальной неспецифической констелляции с определенной целью. Это означает, что *посредством* части окружающей реальности, четко дифференцированной организмом, осуществляется тренаж и укрепление функционального органа, всего организма для достижения актуальной задачи. Уникальность происходящего каждый раз заключается не только в относительно привычном использовании отмеченного организмом повторяющегося случая как такового, но и в том, что указанный «тренирующий» отрезок реальности и возникающее «состояние наилучшей готовности и натренированности» нельзя ничем заменить, например, создать волевым способом. Таким образом, уникальный неспецифический раздражитель, его нахождение и дальнейшее использование есть незаменимое условие развития функционального органа и живой системы. Особое значение имеет обратный ход опосредованного в репродуцирующем творчестве, представляющем собой целую сферу человеческой деятельности.

В науках биологического ряда есть феномены, представляющие собой как бы бесцельное повторение функции. Однако во всех случаях такие повторения не бесцельны, это – непрерывный поиск положения, при котором отправления старой функции могли бы быть применены вновь для новой задачи.

В известном феномене растормаживания заключена отнюдь не негативная сторона деятельности. Это – не редукция, не «мешающие» издержки организма. Растормаживание – это процесс, оказывающий в зависимости от состояния и организма, и внешней реальности, от силы растормаживающего агента и субъективной оценки этой силы, целостное воздействие на организм.

Поэтому растормаживание действует по определенному вектору, дающему приоритет в восстановлении (укреплении) части дифференцировок, вплоть до строго определенного, тончайшего их среза, перед всеми остальными, восстанавливает любые комбинации дифференцировок как симультанно, так и сукцессивно. Ведь что-то всегда должно восстанавливаться от растормаживающего агента и растормаживания, и в этом смысле сохранение тонких, вернее, необходимых и достаточных дифференцировок есть не что иное, как их укрепление, восстановление. Это особенно важно, когда такое восстановление проходит на фоне яркого энергоэффекта. Очевидно, для улавливания подобного энергоэффекта феномен растормаживания и существует. В чем и заключается его главный смысл. Именно эта скрытая сторона растормаживания является основной; в ней обнаруживается тождественность растормаживания как восстановления дифференцировок доминантным корроборациям на неспецифический раздражитель. Таким образом, растормаживание и корроборация представляют в физиологии одно и то же явление и тем самым методологически предельно разведены.

И. П. Павлов исследовал растормаживание на механизме создания условного рефлекса, однако «имеется определенная зависимость образования условного рефлекса от развития доминантных процессов в нервной системе. Только с той воспринимающей поверхности можно образовать условный рефлекс, при воздействии на которую в центральной нервной системе возникают функциональные *взаимодействия доминантного характера*» (курсив мой. – В. В.) (см.: *Выготский Л. С.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1962. Т. IV. С. 290).

Психофизиологический феномен Н. А. Бернштейна «повторение без повторения», возникающий при построении движения и улучшения его с каждой последующей попыткой⁷, этологический феномен смещенного поведения, экспериментально-психологический феномен переноса должны рассматриваться под тем же углом зрения, под каким рассматривается непрерывный поиск в онтогенезе отоблагодетельствованных филогенетических механизмов на текущую и изменяющуюся реальность⁸.

Зарождение двигательных энграмм (Н. А. Бернштейн) стоило дорогого опыта организму, уяснившему, что энергетически выгоднее расширительно применять не столько прошлые отработанные заготовки – отправления, конгруэнтные контуры движений, сколько их обобщенный моторный образ – энграмму. Две геометрических (метрических) фигуры одного топологического класса могут отличаться друг от друга больше, нежели обобщенный топологический образ класса поочередно от каждой из них. Поэтому двигательная энграмма – свернутая без времени и готовая развернуться во времени программа применения к определенному целому классу объектов реальности – принципиально топологична. Организм путем «неосознанного умозаключения» приходит к выводу о наибольшей энергетической выгоде моторного образа при оставлении его как бы... в «незаконченном состоянии», состоянии «полуфабриката».

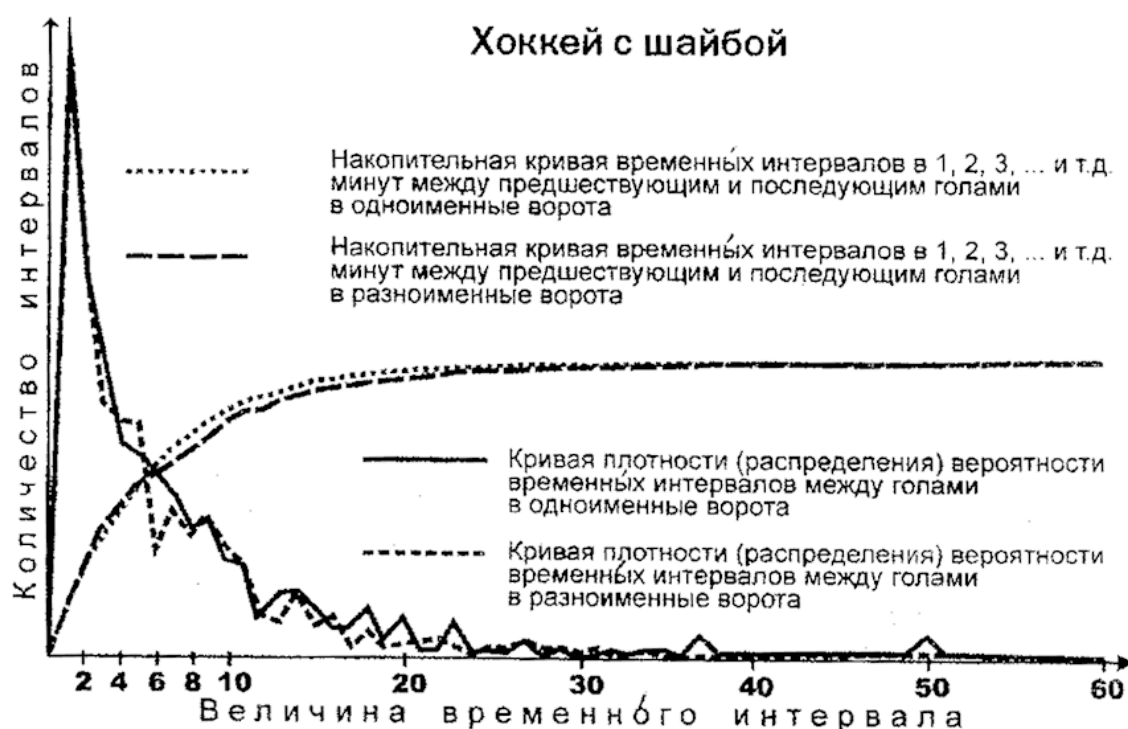
Опуская здесь подробные доказательства, скажем лишь, что в основе всех этих феноменов лежат механизмы, являющиеся аналогами механизмов восстановления доминанты в ответ на действие неспецифического раздражителя. В дальнейшем мы увидим, что и восстановление доминанты на неспецифический раздражитель и перечисленные феномены обнимаются одним интегральным биологическим механизмом.

---

⁷ Восстанавливаются и укрепляются (остаются в структуре движения) лишь те констелляционные сочетания, которые энергетически выгодны организму; те же, что затрудняют движение, – не закрепляются, затормаживаются. Процесс по такому вектору способствует радикальной переорганизации всей доминантной констелляции, подключению, введению в действие, «распечатыванию» матриц (Н. А. Бернштейн) сенсорных комплексов или уровней-специалистов, что будет показано при анализе двигательного акта.

⁸ В частности, такой вывод делает беспредметным спор психологов о возникновении экспериментально-психологического механизма переноса: возникает ли он как ответ на аналогичные задачи или на как задачи, далекие от аналогии. Естественно, что механизм переноса возникает на любые возможные задачи.

⁹ Информация о зафиксированном времени гола бралась из газеты «Советский спорт». Было исследовано примерно 10 000 голов и 1000 игр. Данные брались подряд, а не выборочно.

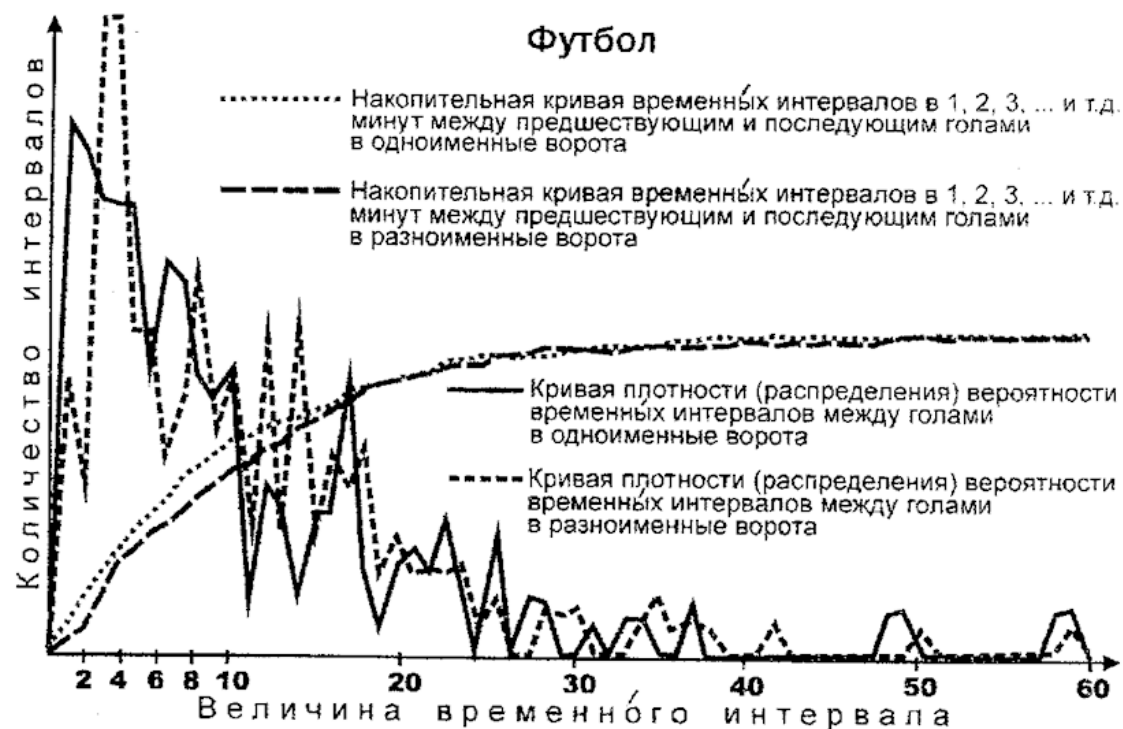

Исследование матчей по футболу, хоккею с шайбой и другим видам спорта с результатом $> 1:0$ и стало быть голов, забитых в этих матчах, проведенное нами в 1970 г., показало, что голы располагаются во времени следующим образом: наибольшая плотность вероятности появления гола, следующего за предшествующим, приходится на наименьший временной интервал; с увеличением интервала эта плотность вероятности снижается. В основе такой временной закономерности лежит закономерность физиологическая. Предыдущий гол воздействует на последующий по типу растормаживающего агента, достигая тем самым оптимального варианта владения мастерством, т. е. гола. Временные интервалы брались между соседними по времени голами – предыдущим и последующим. Графико-математической моделью – накопительной кривой¹⁰ показана как сама временная закономерность¹¹, так и то обстоятельство, что временных интервалов между голами, забитыми в ворота какой-то одной команды – одноименные ворота – на 20–25 % больше, чем интервалов между голами, забитыми в разноименные (имеются в виду противоположные ворота команд противников и интервалы только между отквитывающимися голами). Меньшее количество временных интервалов между отквитывающимися голами объясняется тем, что *гол, пропущенный* командой, является стимулом, действующим по типу растормаживающего агента заведомо не средней (не оптимальной) силы, по сравнению с предыдущим *голом, забитым* командой, который стимулирует игроков команды с большей силой. Таким образом, исследование показало, что волевые усилия игроков (отквитывающийся гол – самый волевой) не являются определяющим фактором в забивании ими голов. Это положение противоречит выводам теории установки, ставящей во главу угла лишь волевые усилия в достижении цели. Этой теорией в данном случае, а стало быть и во всех подобных случаях, представляющих целый пласт человеческой деятельности, неправильно прочтена психическая реальность.

¹⁰ На графике кривая плотности вероятности есть кривая дифференциала по отношению к основной накопительной кривой.

¹¹ Личность игрока предстает перед нами в «свободном состоянии», т. е. на нее не оказывают влияния условности опыта, она не является «испытуемым субъектом». Пренебрежение этим обстоятельством привело, например, авторов теории установки к серьезным ошибкам.

Природа творчества

«Продолжение графика до 90 мин принципиальных изменений на него не оказывает».

График 2

Приведенные феномены есть повторение функции организмом с определенной целью: получение от реальной, уникальной ситуации разительного (на N порядков) энерговывыгрыша. Необходимо всем этим феноменам дать новое название. Если фигурально назвать мозг заводом, производящим организмические функции различных свойств, качеств, уровней сложности, то абсолютный приоритет на этом заводе будет отдан производственному принципу предельно высокого уровня «безотходной технологии», недостижимого никакой индустрией материальных благ: все, что годится, – в дело!

Функциональный вторичный ресурс – такое название мы дали нашему механизму-интегралу, объединяющему приведенные феномены (физиологический – доминантных корробораций и растормаживания, психофизиологический – «повторения без повторения», этологический – смещенного поведения, экспериментально-психологический – переноса), вбирающему в себя все их характеристики, в том числе главную – генерацию энерговывыгрыша. Механизм функционального вторичного ресурса представляет собой аналог механизма вторичного материального ресурса, только в нашем случае разница «лишь» в том, что место бывшего в употреблении материала занимает бывшая в употреблении функция. Функциональный вторичный ресурс – целостный процесс организма – есть детерминанта биологической активности: все ее формы – не что иное, как бесконечный поиск его живой системой; это акселерированный (и единственный) путь накопления негэнтропии¹². Функциональный вторичный ресурс – интегральная функция, наиболее остро из всех функций организма затрагивающая интересы взаимоотношений между миром органических и неорганических систем, между живой

¹² Другой путь исключен, ибо система ищет из тех реагирований-возможностей, что у нее есть; наилучший краткоэнергo-выгодный случай – подмена одного специфического реагирования другим, неспецифическим реагированием (по механизму корробораций).

и неживой природой. Анализ функционального вторичного ресурса облегчит понимание того, каким образом происходит победа бесконечно слабых сил организма над бесконечно могучими силами окружающей реальности. Бесчисленны примеры эвристических возможностей функционального вторичного ресурса, поскольку сам он лежит в основе впервые возникшего творческого опосредованного акта. Констатация, например, того факта, что открытия обязаны иметь «аналогокартинное замещение» (см.: Зинченко В. П., Матардашвили М. К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 121), основана на функциональном вторичном ресурсе: наша психика без этого не может существовать и т. д. и т. п.

Функциональный вторичный ресурс раскрывает еще неизвестную диалектику взаимодействия иерархических уровней в структуре строящегося движения. Традиционное мнение исходит из того, что вышестоящий уровень спускает команду нижестоящему, которую, как часть общего движения, последний начинает исполнять под контролем высшего уровня, т. е. относительно автономно. Между тем нижестоящий уровень сам находит собственную новую подзадачу из заданного верховным смысловым уровнем с предельным несовершенством как по замыслу, так и по воплощению общего движения; лишь с предельным компромиссом его эффекторика можно посчитать правильной. В этой новой подзадаче нижний уровень «узнает» элементы старой задачи и подключается к ней. Это подключение – решение настолько неожиданное и, самое главное, настолько энергвыгодное, что ассоциируется со скачком (по Н. А. Бернштейну). Подключение регистрируется смысловым уровнем, действующим в данном случае (т. е. пропускающим данный вариант движения) как стохастический механизм, и принимается им¹³. Это – «революция» нижнего уровня, его «звездный час». Он становится ведущим в этот момент и, властно изменяя структуру движения, где уровни ее «хора» начинают исполнять уже иные партии, входит в нее компонентом. Механизм подключения берет свое начало от доминанты и доминантных процессов переориентации порогов возбудимости.

Неспецифическая констелляция, с каждым разом изменяясь и укрепляя все более энергвыгодный вариант, замыкается на уникальный неспецифический раздражитель, выбранный из огромного множества внешних реактивных инерционных сил. Найденный вариант подключения и творческое откровение имеют один и тот же механизм. Переключение-подключение – двуединый процесс взаимодействия уровней иерархии, осуществляемый одновременно. Он отражает специфику верхнего уровня в переключении и нижнего в подключении к конкретной подзадаче. Данный процесс связан с понижением порогов нижнего уровня, изменением всего порогового состояния системы, с результативным ее энергооблегчением. Это целостный процесс организма.

Выбранный нижним уровнем вариант движения в момент подключения применяется опосредованно, т. е. обязательно в 100 % случаев задача выполняется опосредованным способом: отправления нижнего уровня никогда еще не испытывали таких применений, которые хоть и инспирированы верховным уровнем в ультранесовершенном показе, но *не им реализованы*. Краеугольным камнем является момент реализации движения – найденный нижним уровнем самый энергвыгодный вариант подключения, так называемая мышечная формула (Н. А. Бернштейн), разительно отличающаяся как от контура самого движения, так тем более от его несовершенного первоначального варианта, экспонируемого в прошлом смысловым уровнем. Возможные возражения, что верхний уровень спустил команду-комбинацию, компоненты которой хоть и имеются в нижнем уровне, но не могут быть им скомбинированы, являются в контексте нашего изложения несущественными: во главе угла проблемы – нахож-

¹³ Складывается такое же положение, как при усвоении, ассимилировании обществом творческих откровений индивидов. Очевидно, это общий принцип.

дение варианта подключения, реализация, которую не может осуществить верховный уровень. Мысль об относительной несущественности значения верховного уровня в конкретной акции реализации нахождения конечного варианта движения (подключение) подкрепляется еще и историческим развитием двигательных навыков, т. е. созданием принципиально новых в истории какой-либо деятельности, какого-либо ремесла (инструментального исполнительства), неизвестных до того структурных движений-навыков, где вообще неизвестна эффективность верховного уровня, не говоря уже о ее правильности или неправильности. Приоритет здесь по праву принадлежит низовым уровням. Верховный уровень со своей логикой шаблонов может лишь испортить дело¹⁴.

Таким образом, прежде чем верховный предметно-смысловой уровень «Д» «открыл» (на самом деле вовсе и не открывал) опосредованно примененное двигательное отправление нижнего уровня (решение задачи) и облегчение, нижний уровень *уже прикоснулся к нему* (т. е. подключился), применил и *показал, как это делается*. Смысловой уровень в данном случае был лишь регистратором события. Невозможность нахождения этого варианта подключения интеллигибельным путем или усилиями только верхнего смыслового уровня имеет принципиальное методологическое значение.

Такое же значение имеет и тот факт, что если живое движение, обладающее пространственно-временными и предметно-смысловыми чертами, является единицей психической реальности и единицей анализа психики (см.: Зинченко В. П. Проблемы единиц анализа психики // Зинченко В. П., Смирнов С. Д. Методологические вопросы психологии. М., 1983. С. 106–124), то генерация опосредованного как высшей психической функции происходит по той же схеме, что и при построении движений, в том числе предметно-смысловых, путем подключения к опосредованному результату нижнего уровня психоструктуры, т. е. через непосредственный результат.

Впервые генерированное творческое опосредованное открывается только через непосредственное и осознается уже тогда, когда совершено. Сознание может лишь регистрировать, осознавать (не регистрировать, не осознавать) опосредованное, которое не может быть генерировано интеллигибельно; во всех случаях, однако, организм регистрирует энергооблегчение или, пользуясь термином Н. А. Бернштейна, своеобразный скачок. Генерация опосредованного есть откровение, «озарение», творческий акт, переорганизация всех уровней психоструктуры, т. е. переосмысление. Опосредованное от своей низшей формы как низшая психическая функция (неосознанное условное опосредование) до высшей формы философского обобщения основано на интегральном биологическом механизме – функциональном вторичном ресурсе.

Создатель теории установки Д. Н. Узнадзе в качестве важной задачи видел преодоление постулата непосредственности в объяснении психической жизни. Установка в его логике выступала в качестве своего рода медиатора, феномена, опосредствующего реакции и акции субъекта. Его учение об установке создавалось в то же время, что и учение А. А. Ухтомского о доминанте. Позднее ученики Д. Н. Узнадзе неоднократно указывали на феноменологическую близость установки и доминанты и рассматривали последнюю как возможный физиологический механизм первой. В свою очередь, А. А. Ухтомский рассматривал доминанту то как физиологический механизм, то как психологическое образование, например, как воспоминание или интегральный образ. Однако связь между вербальной установкой и доминантой просматривается слабо.

Между тем актуальная и вербальная установки предельно отличны друг от друга по своей психологической сущности. Физиологический механизм должен здесь не столько отражать эти

¹⁴ Например, в спортивной гимнастике рождались новые элементы, по сути новые структурные движения (это можно приравнять к открытию), благодаря уникальному морфологическому строению гимнастов (см.: Кирсанов В. Композиторы гимнастических упражнений // Наука и жизнь. 1976. № 11. С. 154).

сущности, сколько сам, будучи единым, генерировать правильное единое представление о них. Аналогом ответа доминанты на специфический раздражитель, очевидно, является актуальная установка, а аналогом ответа на неспецифический – вербальная. В нашем, наиболее распространенном случае вербальной установки, жизненно важной для индивида – фиксированной установки, – имеющей для него социальную значимость, аналогом неспецифического раздражителя является реальная ситуация, в которой ее (установку) можно и *не получить*, т. е. ситуация, антиципированная личностью как социальная опасность для нее, для ее престижа. Это, а не только волевое усилие, рождает целостное личностное состояние (вербальную установку), проявлением которого может быть, например, тревожность за вероятностный исход.

По теории установки опосредовать можно все, что вздумается, а отсутствие структуры появления опосредованного (подключение, энергооблегчение) у ее авторов привело к следствию – точный момент времени генерации опосредованного не определяется. Он может не учитываться субъектом¹⁵, так как нет специфического психического состояния озарения. Позволительно думать, что опосредованное возникает одновременно с возникновением самой вербальной установки. Однако эта мысль наталкивается на ряд возражений, которые сводят ее на нет. В самом деле, авторы теории установки не объясняют известного состояния «актера в ударе», для них это состояние – случайность. Для нас существо опосредованного основано на уникальных вариантах физиологических механизмов и окружающей реальности. Это – наделение реальности тем или иным свойством и одновременно открытие этого свойства. Для авторов теории установки опосредованное ординарно, базируется на памяти, на вербальной установке и воле. Для нас опосредованное – многопорядковый энерговывыгрыш; для авторов теории установки – чрезвычайные (Р. Г. Натадзе) энерготраты организма, которые вряд ли делают существование органической системы возможным (она идет вразнос).

Таким образом, налицо следующая картина. Вербальная установка может образоваться как добросовестное заблуждение, но не повлечь за собой актуализации, в том числе откровения и опосредования. Между тем данная установка проводится субъектом в жизнь благодаря его «личностному весу» (Чхартишвили), что имеет место в научной деятельности. Если считать (как авторы теории установки) творческий процесс генерации опосредованного длящимся (объективация)¹⁶

---

¹⁵ В исключительных случаях субъект может замечать иллюзию. Однако замеченная иллюзия – уже не иллюзия. Здесь дефектен как сам эффект вербальной установки, так и сама вербальная установка: в полноценной вербальной установке – целостном состоянии личности – иллюзия, ее эффект не должны осознаваться субъектом; в нем им нет места, как нет места и раздвоенности сознания.

¹⁶ Уяснение субъектом несостоятельности своей версии (объективация) ставит его всегда в творческих задачах – антимире шаблонной мысли – перед полем неопределенности. Найти в этой неопределенности интеллигибельно творчески открываемый опосредованный вариант нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания